

ЛОКАРМЕН

РАСКРЕЗЫ

Лазарь Кармен

С привольных степей

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

**Лазарь Кармен
С привольных степей
(Из жизни дикарей
Одесского порта)**

— Да ну, лезь, дурень!
— Чего боишься?!

— Сам просился, два дня не ел, сказывал! — восклицала ранним весенним утром на грязной палубе парохода кучка оборванных дикарей.

Восклицания относились к рослому, лет двадцати трех богатырю парню.

Он стоял ближе всех к люку.

Только что нырнул в трюм старый всклокоченный дикарь, и очередь теперь была за ним, парнем. Надо было спешить, а он стоял, колеблясь, вскидывая растерянные васильковые глаза то на мрачных, подгоняющих дикарей, то на трюм, из которого тянуло прескверным букетом всевозможных эссенций, сырой кожи, вяленой рыбы, просмоленной пеньки и лошадиного помета.

— Да ну лезь, жлоб! — задергали его дикари с возрастающим нетерпением.

— Была не была! Эх, была! — воскликнул парень, выпрямился, молодецкато потрянул золотой, как налитая рожь, «полькой», повел

широкими плечами, на которых лежала холщовая, выпачканная смолой котомка, перекрестил вздувшуюся могучую грудь и решительно занес над люком ногу.

– Легче, не упадь! Держись за лапки! За скобки держись!

Парень мотнул головой и нырнул, неумело, но крепко хватаясь за потертые тысячами рук лапки и ступеньки вертикальной, узкой железной лестницы.

Он лез молча, глядя перед собой и не переводя дыхания. За ним, над головой, следовали два дикаря.

Он слышал, как трутся о лапки их лохмотья, слышал их недовольное ворчание, приправленное отвратительной портовой бранью, и, боясь быть ими настигнутым, полез шибче.

Он миновал первую и вторую палубы, смаживающие своей холодной, удручающей пустотой и мраком на skleпы, и совершенно окунулся в трюмную, удушливую атмосферу.

Парня, как он ни был силен, стошнило. Но он быстро оправился и глянул вниз, где на дне, на обрывках рогож и циновок, разместил-

лось общество из пяти дикарей и двух банабаков.

Банабаки, в повязанных чалмами башлыках, что-то лопотали на своем гортанном языке, а дикари, лежа и сидя на корточках, посадовали окурки и жевали английский прессованный табак в приятном ожидании остальных товарищей, с которыми предстояло взяться за нагрузку трюма.

– Эй, деревня, мякина! – окликнул парня снизу дикарь в затасканном, с чужого плеча смокинге, дырявом котелке и желтых развалившихся скороходах.

Парень заискивающе ослабился и, измерив взглядом трехаршинное расстояние, отделявшее его от пай-ела – дна, неуклюже спрыгнул.

– Черт! – взъелся окликнувший парня дикарь, на которого тот навалился всем своим богатырским телом.

– Сукобой посадский! – подхватили сердито другие.

Не отстали от дикарей и банабаки.

– Шайтан!

Сверху тем временем спустились еще

несколько дикарей, и все, обступив парня, стали над ним издаваться:

– Ишь, цап!

– И откуда их, жлобов, носит!..

– Сидел бы у себя в деревне и плел лапти!

– Или пироги ел с капустой!

– Да какие у них пироги!.. У них недород! А почему недород?! Потому что ему, сиволапому, в город хоца. Здесь и трактер, чай с музыкой, цирк, всяка штука. Чего рыть землю и сеять? Вот он, цап анафемский, и прет в город. Сколько, посмотришь, ихнего брата на постоянных дворах да в справочных конторах околачивается. Все службы ищут. Кто кучера, кто лакея. Ты что нее, земляк, в лакеи? Ась?!

– Да какой из него лакей?! Всю посуду перебьет и господ обольет совусом!

– Го-го-го! – загоготали дикари и теснее обступили парня.

– На, ешь! – поднес один дикарь к самому носу парня кукиш.

Парня стало коробить.

Он сперва на все шутки скалил зубы, а теперь глядел зло и мрачно.

Кто-то в довершение толкнул его.

– Не трожь! – тихо, но внятно обмолвился наконец парень.

Недобрым огоньком сверкнули у него глаза, губы дрогнули, на лицо набежала краска, он весь выпрямился и показал кулаки, каждый величиной с добрый кузнечный молот.

– Расшибу! – прибавил он громко и скрипнул зубами.

От парня, как от сказочного богатыря, веяло силой. И дикари попятились.

Жалкая компания из городских отбросов, пропойц спасовала перед деревней, хотя и расштанной недородами и всякими утеснениями, но все еще крепкой, пышущей здоровьем.

Сверху вдруг послышался сдавленный голос приказчика:

– Готовься! Бере-ги го-о-лову, вира помалу, ми-и-лай мой!

– Готово! – крикнул внизу старый дикарь, вооруженный петлей из толстой веревки.

Все в трюме вскочили и приняли выжидательное положение. Парень задрал голову.

Вверху загромыхал подъемный паровой кран, и над трюмом, высоко-высоко, вонзаясь

в синее, безоблачное небо, взвилась наподобие журавлиного носа стрелка.

– Береги голову! – повторил подрядчик.

И в трюм, болтаясь и раскачиваясь на стрелке, свалился черный, с двухпудовым на конце гаком шкентель – цепь.

– Но-но! – погрозил шкентелю старый дикарь, когда тот чуть не мазнул его по голове. – Ты, брат, того, оставь, головы не трожь! – И прикрепил петлю к гаку.

Кран загромыхал вновь.

Его резкое громыхание глухо аукнулось в склепах и во всех закоулках трюма, и шкентель взвился к стрелке.

Стрелка вместе с ним повернулась тотчас же в сторону.

– Вира помалу, майна банда! – затянули теперь на набережной банабаки.

Тонкий простенок пароходного борта давал парню возможность слышать, как с шумом подносят к самому борту, сбрасывают и подвешивают к шкентелю груз.

Груз подвесили, и он пополз вверх, чешась об обшивку борта и царапая его.

Парень вскинул глаза и вздрогнул. Над

ним, на высоте пятидесяти футов над трюмом, висела черная лавина о шести бочках.

Лавина эта чуть-чуть покачивалась на фоне светлого неба, сдерживаемая как бы сверхъестественной силой и готовая каждую секунду ринуться вниз, на забубённые головы дикарей.

– Ух, как бы не сорвалось! Задавит! – поделился озабоченно парень со своим соседом-дикарем, которого звали Барином.

– Так что ж? Задавит! – ответил тот с поразительным равнодушием.

– Что рот разинул, галок ловишь?! – крикнул на парня старый дикарь. – На крюк! Будешь бочки катать!

Парень машинально взял крюк и подвинулся к Барину.

Барин почему-то понравился ему сразу. Ему нравилось его спокойствие и то, что он не принимал участия в травле против него.

Барин не был похож на прочих. Вместо лохмотьев на нем висел целый, хотя и пятнистый, пиджак, а на голове крепко сидела дворянская фуражка с красным околышем, и лицо у него было совсем благородное, и все дви-

жения – нагнется ли он, шагнет ли, потреплет ли черную с проседью бороду – мягки и изящны.

– Вира помалу, милый мой! – запели наверху.

Восьмидесятипудовая лавина вздрогнула, закачалась грузным маятником и скользнула вниз, увлекая и вытягивая за собой шкентель.

– Стоп!

Парень с любопытством оглянул свалившиеся пятнадцатипудовые бочки.

Бочки мигом были разобраны, и за ними пошли другие, третьи.

Они падали долго. Потом стали падать объемистые тюки с хлопком, мешки с изюмом, ящички со свечами. И все это быстро откатывалось и спроваживалось дикарями и бабаками в отдаленные уголки жадного, ненасытного трюма.

Парень сперва диву давался всему. Разглядывал и нащипывал груз, прислушивался к шуму и к грохоту. Все для него, мало видавшего деревенского парня, было ново. Но скоро он перестал дивиться.

Окружающая горячка захватила его, и он

энергично взялся за работу. Парень работал лицом к лицу с Бариним за троих, проявляя чудеса своей истинно богатырской силы.

Каждый тюк и бочка приобретали в его руках необычайную легкость, и он частенько справлялся с ними сам, отстраняя Барина.

– Ну, брат, и сила же у тебя! – заметил ему Барин.

– Ничего, – осклабился он.

Настал полдень. Грянула пушка, и вместе с выстрелом оборвался хаотический дикий концерт – грохот железа, возгласы банабаков, громыхание десятков паровых кранов и пароводные свистки, от которых трепетала пристань. В порту наступил «штиль».

– Снедать, снедать! – слышалось теперь в трюме, и дикари, побросав крючья, устремились по лямкам наверх, для того, чтобы разбрестись по харчевням.

Шкентель вместе с двумя тюками хлопков, как замороженный, повис над трюмом.

Барин дал знак парню, возившемуся с бочкой, «отставить», и сам, бросив крюк, занялся приготовлением к завтраку. Он достал из кармана сюртука громадный зеленый огурец, па-

ру помидоров, рыбу, водку и все это разложил на рогожу.

Парень, весь красный и потный, жадно следил за каждым движением Барина и бросал на съедобные плотоядные взгляды.

– Садись! – лаконически пригласил тот парня.

Парень не ждал вторичного приглашения и подсел к рогоже.

– Пей! – И Барин поднес ему бутылку.

Парень отпил немного.

– А теперь жри!

Парень только и ждал разрешения и стремительно набросился на съедобное. Он ел с треском и звонко чавкая. Барин же, напротив, ел вяло. Он больше наблюдал за парнем.

– А трескаешь ты шибко, как свое! – улыбнулся он.

Парень перестал и побурел. От этого замечания кусок огурца застрял у него в горле.

– Да ну, ешь! Я ведь так, для красного словца! Ешь! – засуетился Барин.

Барин произнес эти слова так отечески тепло и ласково, что парень примирился, просиял и стал опять уписывать.

Пока он уписывал, Барин не спеша достал из кармана огрызок сигары, должно быть, подобранный на улице, закурил и растянулся.

– Долго не ел? – спросил он спокойно, разжигая сигару и пуская правильные колечки дыма.

– Два дня! – последовал ответ.

– Здорово... Какой губернии?

– Тульской... Аржаной...

– А звать тебя?

– Ефремом.

– Ефре-ем, Ефре-ем!.. – запел Барин и насмешливо уставился на парня. – А похож на волка! Ишь! Как глаза лупит и зубы скалит!..

– Гы-и! – гигнул парень.

– Волк, ей-богу, волк! Слышишь?!. Ты не Ефрем, а волк! Ха-ха-ха! – И Барин разразился неприятным смехом.

Ефрем, желая подслужиться, тоже рассмеялся.

Барин докурил сигару, выплюнул окурочек и серьезно спросил:

– Недород у вас, что ли?

– Всего...

Ефрем сдвинул брови и нахмурился.

– Ты давно из деревни?

– Месяц будя.

– Мать есть?

– Есть.

– И отец?

– И отец.

– А как попал сюда?

– Попал как?... До Ельца с володимирскими столярами по машинке ехал. Спасибо им, поддержали. Потом полотнил пешим, по шпалам. Дорогой выручили свои же, православные. Зайдешь в деревню, тебя накормят и спать уложат. Так маялся, пока до самой этой Одессы не добрался. Остановился я на околице и спрашиваю городского: «Где тут, земляк, работу достать можно?!» – «Ступай в порт!» – «А где этот порт?» Показал. Я сюда. Место, знаешь, незнакомое и люди тоже. Насилу упрямился, чтобы на работу взяли... Ей-богу! Ну и злой же народ тут. Разбойники. Веришь? Бить хотели!

– Кто бить хотел?

– Да эти голоштанники! «Чего, хлеб, – обступили они, – отбивать пришел?! Ах ты, таковой-сякой, цинготный!»

Парень возвысил голос:

– Ишь, хлеб отбивать. Да чей он, хлеб-то? Кто его сеял? Кто землю орал, кто хлеб косил, в скирды складывал и молотил?

– Так-так! – закивал одобрительно головой Барин. Ефрем, польщенный его одобрением, слабо улыбнулся и добавил:

– Я что! Косарь! Мне бы только поддержаться малость. Наша степь ведь что ска-терть. Ни травы, ни былинушки. Поддержусь и назад домой, марш! Вот крест! Не останусь тут... Ну их... Хлеб отбивать... Ишь!..

Глаза у Барина заблестали.

Он подполз близко к Ефрему и взволнованно спросил:

– Верно говоришь?!

– Верно.

– Так и следует! Поддержись малость и назад! Без оглядки! Не то пропадешь в городе. Смолотит. Мужикау не след бросать земли.

– Не след? – удивился Ефрем. – А если земли мало?

– Старая песня! – нахмурился Барин. – Знаем вас. Сам помещиком был.

– Ты? – удивился Ефрем.

– Я!.. Чего буркалы выпучил?! У меня полторы тысячи десятин чернозему было да завод конский. Ну, да это не твое дело... Ты говоришь, земли мало? Зато земли у помещика. Работай ему и жить будешь.

Парень усмехнулся и спросил:

– За пятишницу, что ли?

– А пятишницы мало? – вспыхнул Барин.

– Мало, себе дороже стоит!

– Четвертную, стало быть, вам?

– Коли ваша милость! – чуть слышно засмеялся парень и показал крепкие, белые зубы.

– Дурак!

– Чего ругаешься? – заметил сквозь смех Ефрем. – Мы с тобой теперь равные.

– Равные, равные! – передразнил Барин. – Ах вы! Сироты казанские! Все жалуетесь – тяжело. А помещику не тяжело!? Ну, да бог с тобой!.. Что это у тебя?! – спросил он после усталым и примиренным голосом и указал на его котомку.

– Тальянка.

– Сыграй.

Парень потянулся к котомке, вынул та-

льянку и заиграл монотонный, но бойкий тульский мотив.

Звуки горохом рассыпались по всему трюму.

– Пой, – сказал Барин.

Ефрем кивнул головой и запел:

*Гармоника злаченная,
А подати не плаченая.
Бот вам, девки, рупь на мыло!
Расскажите, что там было!
Проклятая молотилка,
Загрустила моя милка!
Прощай, гуляй, я уеду,
Не увидишь мого следу...*

– Стой! – воскликнул возбужденно Барин. – Я петь буду.

Ефрем замолчал, а Барин затянул:

*Мой милашка хорош,
Был на писаря похож.
Он не пишет, не марает,
На гармонике играет!
Не пиши ты, милка, письма,
Разошлись мои мысли!..*

Барин пел, и на глазах у него наворачивались слезы.

– Довольно, будет! – Он глухо зарыдал.

Парень отложил тальянку и спросил:

– Что ты?

– Ничего, вспомнил!.. Эх! Любил я эти песни! Сядешь, бывало, вечером на краю усадьбы. У ног твоих дорога винтом. Справа – деревня. Небо звездное, и кругом – тихо-тихо. Только из деревни плывут звуки. Пиликает на тальянке Митька – сын старосты, а Саша – дочь Прохора, прикладчица на всю деревню, – подпевает. Слушаешь, слушаешь, и на душе так хорошо, так покойно. Век бы слушал эту тальянку и Сашу... А хорошо, брат Ефрем, на деревне?!

– Ха-арошо! Что говорить! Только... – Ефрем вздохнул и мечтательно уставился перед собой в глубь трюма...

Несколько минут оба молчали.

Вдруг Ефрем почувствовал на своем плече руку Барина.

Он повернулся.

Глаза у Барина больше не слезились, и он тепло улыбался.

– Знаешь?! – воскликнул весело Барин.

– Что?!

– Кто старое помянет, глаз вон! Поцелуемся!

– Это можно! – улыбнулся Волк.

И они трижды и звучно поцеловались.

– Дай теперь слово, что пойдешь назад в деревню, – сказал Барин. – А то смолотит, право, смолотит. Тут у нас недолго. Помни!

– Помню, помню!

Ефрем хотел еще что-то сказать, но насто- рожился.

– Тсс!.. Это что шумит?

– Вода... Мы с тобой, брат, на пять аршин в воде сидим.

Ефрем посмотрел на Барина с недоверием.

– Не веришь?

– Н-не!

– А вот проткну борт, и нас затопит! – пошутил он.

– Нет, нет! – Ефрем побледнел и стремительно схватил его за руку.

– Трусишь?

Ефрем впрямь трусил.

Он поминутно вздрагивал и озирался, обу- реваемый злым, щемящим предчувствием.

Холодный и пустынный трюм стал пугать

его, и, наклонившись к Барину, он чуть слышно вымолвил:

– А страшно здесь! Ух, страшно! Как в могиле...

– Так и есть, могила, – подтвердил Барин. – Безымянная. Много здесь нашего брата легло. Прошлой неделей тут одного лесника на смерть задавило.

– Что ты? – содрогнулся Ефрем.

– Могила, могила! – продолжал Барин, – А знаешь, как зовут нас? Дикарями. Да, брат! Здесь люди совсем дикие. Без веры, без бога. Одна вера, один бог – водка... Ты пьешь?

– Нет.

– Будешь, – загадочно произнес Барин и замолчал.

Волку стало жутко.

Слова Барина поселили в нем страх.

«Так вот куда я попал?» – подумал он и стал беспомощно озираться.

Он оглянул все углы трюма, который после слов Барина показался ему еще мрачнее, с сильным биением сердца прислушивался к шуму и всплескам воды за бортом и, не зная, что предпринять, как выбраться из этой про-

клятой коробки, в бессилии оперся о свой крюк.

Через несколько минут трюм опять наполнился дикарями.

Они вернулись навеселе, и по всем их ухваткам заметно было, что они изрядно выпили.

Ефрем посмотрел на них с ужасом. Грязные, лохматые, с синими мешками у мутных, ввалившихся глаз, они производили впечатление настоящих дикарей. Они точно сорвались с какого-то неведомого острова.

– По местам! – раздался наверху голос приказчика, и прерванная работа возобновилась.

Вместо тюков, мешков и бочек теперь замелькали в воздухе пачки листового железа.

– Береги го-о-лову! – слышались частые окрики.

Эти окрики были необходимы, так как пьяные дикари бравировали и выказывали презрение к смерти. Они подворачивались под самые пачки, и пачки грозили сплющить их.

– Дикари, черти! – волновался наверху у люка капитанский помощник. – Сторонись!.. Разобьют вам пачки головы, а я потом отве-

чай за вас!

Дикари, однако, и в ус не дули. Один, самым невозмутимым образом растянувшись во весь рост на рогоже, дымил окурком. Пачки летели мимо, с грохотом ударяясь вершках в десяти от него. Его обдавало пылью, искрами, а он не менял своего положения и продолжал дымить, не сводя насмешливых глаз с помощника.

Другой, выкрутив спину, точно желая дать пачкам перерезать себя надвое, возился с ногой.

– Вот я вас!.. Господи! – продолжал стонать помощник.

– Ну, чего раскаркался?

– Ишь, заботливый нашелся!

– Пусть покалечит! Тебе какое дело? – огрызались и подтрунивали дикари.

Работа кипела. Слова глохли в невообразимом стуке парового крана и благовеста железа, просыпающего над головами рабочих, при раскачивании и ударах о бока люка искры.

Мелкие листы железа сменили теперь крупные – котельные, и над трюмом закачались пачки, каждая пудов в двести весом.

– Ай да наша! Поехала!

– Веселее, золотая рота!

– Р-р-р-аз умирать! – покрикивали весело дикари. Один Ефрем не поддавался общему настроению и горячке. С каждым ударом пачки о борта люка он нервно вздрагивал и с опаской поглядывал на натянутый, как струна, шкентель.

Страх не покидал его теперь ни на минуту. Он дрожал за каждую пачку, и каждая, проскользнувшая благополучно, шевелила в его груди радость.

Но пачек этих оставалось еще много, много.

В трюме сделалось невыносимо душно. Сильно нагретые солнцем борта отдавали нестерпимым жаром.

Ефрем готовился выронить крюк, но его остановил старый дикарь:

– Что стал, деревня?! Разбирай, жи-и-ива-а!

И Ефрем снова пустил в ход свой крюк...

Был четвертый час.

– Полундра-а! – слышался неожиданно крик, похожий на вопль.

Все в трюме, как испуганные крысы, ша-

рагнулись в сторону. Только Ефрем остался на своем месте.

Он стоял посреди трюма с высоко поднятым крюком в позе недоумевающего гиганта, а над ним в пятидесяти футах мерно покачивалась объемистая пачка.

В трюме совершалось нечто таинственное.

– Беги! Полундра! – крикнул из угла парню Барин.

Но Ефрем не слышал. Он не понимал страшного слова «полундра».

Он оставался прикованным к своему месту. Задрав голову, он глядел широко раскрытыми глазами, почти в упор, на пачку.

Она наполовину осунулась, и Ефрем увидел, как зловеще надвигается на него из нее и ползет лист, за ним другой, третий... Он взмахнул рукой и закрыл глаза.

Раздался грохот, точно обвалился дом, и пароход два раза качнуло.

Отовсюду, из всех углов показались опять дикари. Показался и Барин.

Сверху быстро спускался помощник, матросы и рабочие.

Наверху у люка послышался топот

нескольких десятков ног, дрожащие голоса, и через люк перевесились испуганные лица. Таковой же топот послышался и на сходне.

Палуба вмиг наполнилась народом.

– Пачка сорвалась! – передавалось из уст в уста.

– А сколько убило?

– Двоих, говорят!

– Слабо листы закрепили!

Народ теснее обступил люк и глядел в трюм, на дне которого, над небольшим курганом из железа, возился Барин и шестеро дикарей.

– Живо, живо! – подгонял их разбитым голосом помощник.

Рабочие напрягали все силы, чтобы откопать Ефрема. Его наконец откопали.

Он лежал среди железа недвижимым. Все – ноги, руки и могучая грудь, за исключением лица, которое чудом уцелело и осталось незадетым, были смяты и раздроблены. Точно тело было захвачено маховиком заводской машины, пришлось по валикам и зубчатым колесам.

Так недавно еще полный мощи и силы бо-

гатырь, сын привольных степей, лежал теперь раздавленный, как жалкий червь.

Кровь, алая, как цвет мака, била у него со всех сторон: из-под лаптей, из-за портков и белой, вздувшейся на груди и боках рубахи, рвалась струйками из-за стиснутых зубов.

Ефрем жил еще.

Грузно приподнялись у него веки, и выглянули потускневшие, как вечернее небо, глаза. Они выглянули на минуту, обдали обступивших рабочих холодным сиянием и сомкнулись.

Они раскрылись потом еще и еще раз.

В теле с раздробленными конечностями и помятой грудью жили одни глаза. Как два огарка, как две лампадки, боролись они с мраком.

– Доктора, доктора!

Несколько человек метнулись наверх по лесенке за доктором, но доктора не нашли.

– Доктор будет только через час!

– Тогда в больницу его!

– А как взять?! На тачку, что ли?!

– Валяй на тачку! Эй, давай шкентель!

– Шкентеля, шкентеля! – подхватили на-

верху. – Машинист, давай шкентель!

Бледный машинист, стоявший у люка, бросился к крану.

– Вира помалу! – заорали на него грозные голоса.

– Мало, мало! А то ты всегда шибко!

– Легче бы пускал, небось пачка не рассыпалась бы.

– Это тебе какой раз?... В прошлом году бочку сбросил и двоих покалечил!

– Ему не машинистом быть, сапожником!

Машинист, не отвечая, дернул рычаг.

Вырвался с шипением пар, и кран загромыхал, окуная в трюм подрагивающий на потертых звеньях шкентель.

Внизу тем временем раздобыли тачку и прикрепили ее наподобие чашки весов к гаку.

– Ребята, неси!

Десять пар рук подхватило безжизненное тело.

Кровь обдала рабочих.

Они поднесли его к тачке и уложили, подогнув колени и слегка приподняв голову. Глаза Ефрема все еще теплились.

На тачке, широко расставив ноги над телом, стал Барин. Он склонился над самым лицом Ефрема.

– Готово! Вира помалу!

Кран загромыхал, и шкентель вытянулся.

Тачку стало подымать наверх.

Барин вдруг встрепенулся и подался вперед.

– Брат!

Глаза Ефрема посмотрели на него в последний раз и крепко сомкнулись. Голова, рассыпав золотую гриву, запрокинулась. Что-то похожее на дрожь пролетело по всему скомканному телу, и руки, подобно плетям, скользнули вниз.

Жизнь оборвалась.

Прощай! Больше не видать тебе, милый косарь, твоих родных степей и деревни!

С разбросанными руками Ефрем поднимался все выше и выше.

– Умер! – пронеслось шелестом листьев по палубе.

Все скинули шапки и притихли.

Над самым люком вдруг заметалась чайка.

Она запуталась в такелаже и огласила па-

лубу резким, отчаянным криком.

На пристани в маленькой церковке ударил колокол.

– Упокой душу!

– Царствие небесное!

Толпа, жавшаяся к люку, расступилась, и над головами ее взвился, точно к небу, печальный катафалк с печальной ношей. Ефрема вместе с Бариним подняло высоко и повернуло вбок.

Тачка на минуту остановилась в воздухе.

Руки у Ефрема, казалось, вытянулись больше и с проклятием и угрожающе тянулись к сияющему в закате солнца городу, к бульвару, на котором гремела музыка и двигалась пестрая и веселая публика...